

А. Г. Иценко, А. С. Короб

Барановичский государственный университет, Барановичи, Беларусь

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ: ОТ ФИЛОСОФИИ К ПСИХОЛОГИИ

В статье рассмотрены тенденции формирования концептуальных идей философии XIX и XX веков, перешедших отдельное направление экзистенциализма и его влияние на психологию. Проанализированы пересечения психологии и философии в точке экзистенциального проекта гуманитаристики, создающего новое направление. Авторы концентрируют исследовательское внимание на концептуальном пересечении между философами и психологами, имеющими разные географические корни, но творчески реагирующие на возникшие в мире перемены, наталкивающие на открытие нового проекта — экзистенциальной психологии — специфической рецепции идей философского экзистенциализма и психологической аксиоматики, в результате чего возникает не только оригинальная психологическая теория, но и практика.

Ключевые слова: экзистенциализм; экзистенциальная психология; интенциональность; Dasein; онтология; феноменология; гуманизм.

Библиогр.: 24 назв.

A. G. Itsenko, A. S. Korob

Baranavichy State University, Baranovichy, Belarus

EXISTENTIAL PROJECT: FROM PHILOSOPHY TO PSYCHOLOGY

The article examines the trends in the formation of conceptual ideas in the philosophy of the 19th and 20th centuries, which have become a separate direction of existentialism and its influence on psychology. The intersections of psychology and philosophy at the point of the existential project of humanities, which creates a new direction, are analyzed. The authors focus their research attention on the conceptual intersection between philosophers and psychologists with different geographical roots, but creatively responding to changes in the world, prompting the discovery of a new project - existential psychology - a specific reception of the ideas of philosophical existentialism and psychological axiomatics, as a result of which not only an original psychological theory but also practice arises.

Key words: existentialism; existential psychology; intentionality; Dasein; ontology; phenomenology; humanism.

Ref.: 24 titles.

Введение. Экзистенциализм (от лат. *existentia* — существование) является одним из самых влиятельных направлений как в философии, так и в психологии XX века. Широта и объем концептуальных позиций, выходящих на поверхность из-под пера представителей экзистенциализма, не только расширяют своё пространство через влияние на культуру в целом и научную мысль в частности, но порой концепты создают значительные сдвиги, которые просачиваются в пространство отдельных отраслей знания и относительно самостоятельных научных направлений. Одним из таких направлений, на которое экзистенциализм оказал значительное влияние является психология. Психология прошла уникальный и долгий путь достижения автономии через сепарирование от философии в достижении статуса самостоятельной научной области. Для достижения научности психологии пришлось не столько варьировать предметной составляющей, выстраивать путь к позитивизму и рациональному способу исследования, но и создать уникальное отношение к психическому — выстраивать оригинальную теорию, а также свой собственный метод исследования своего феномена реальности.

Изучая исторический путь экзистенциализма, можно заметить, как философия и психология начали расширяться, создавая новые школы и направления. Но если отдельные школы и направления в философии своей внутренней методологической топики, то для психологии внезапным проектом стали своеобразные попытки реверса к своему первоначалу, к тому, от чего она несколько дистанцировалась, и к тому, что действительно стало ей необходимо для дальнейшего развития, хотя и на другом витке эпистемологической спирали.

Так встаёт массив вопросов. Возможна ли точка пересечения философии и психологии на современном этапе развития науки? Что может послужить релевантным эпистемологическим основанием такого пересечения? Если да, то возможно ли дальнейший переход теоретического конструкта в праксеологическую область методов практической деятельности, направленной для работы с психологическими проблемами и патологиями? Действительно ли благодаря философской компоненте психология приобретет новый импульс и ресурс для дальнейшего развития и продвижения в объяснении психологических феноменов реальности?

Для раскрытия выделенных вопросов целесообразно рассмотреть концептуальные подходы таких представителей экзистенциализма, как: С. Кьеркегор, Ф. Ницше, Ж.-П. Сартр, Л. Шестов, Н. Бердяев, М. Хай-

деггер, Л. Бинсвангер, М. Босс, В. Фракл. Естественно, формат статьи не позволяет в полной мере осветить идеи всех представителей экзистенциализма, поэтому за пределами нашего исследования останутся такие религиозные мыслители-экзистенциалисты не последнего порядка, как К. Ясперс, М. Бубер, Г. Марсель и др. Выбора указанных фигур обусловленность тем, что экзистенциализм достаточно разнообразен и разнороден, и традиционно представлен в религиозном / теистическом и секулярном / атеистическомразновидностях (при всей условности и недостаточности теизма и атеизма как краев этой методологической рамки).

Указанную проблему изучали такие учёные, как А. Лызлов, А. Лэнгле, Р. Мэй (который сейчас уже и сам рассматривается как классик экзистенциальной психологии), А. Хольцхейм и другие исследователи экзистенциальной психологии.

Основная часть. Датский философ XIX века С. Кьеркегор является одним из ключевых протоэкзистенциалистов религиозного направления, «первый экзистенциалист» Кьеркегор выделяетсложнейшую проблему рассмотрения уникальности субъекта, поднимает вопрос размышления той интенциональной направленности рефлексивного мышления, которая принадлежит лишь человеческому духу и представляет его исключительное “Я” (Self) [1]. Безумная сосредоточенность на вопросе, что значит быть существующим и прозрачным для экзистенции, вывело его философию в иррациональную сторону. Сам способ философствования является вызовом против системостроения, а повествовательный стиль походит на Сократический пафос, который мыслитель выстраивает через дискурс своих же мысленных изысканий, написанных от лица разнообразных псевдонимов, часто пересекающихся с религиозным символизмом [2]. Во фрагменте «Несчастнейший» Кьеркегор рассматривает феномен времени и его отношение к несчастной индивидуальности [3]. Феномен времени тесно связан с воспоминанием, а также тем, что помещает вопрошающую сущность в зависимость нахождения во временном пространстве прошлого, будущего и настоящего. Именно человек способен помнить, фиксировать и выстраивать своё бытие, задавать движение к цели и формировать уникальный смысл этого движения. Как пишет сам Кьеркегор: «Воспоминание — это поистине главный, действительный элемент несчастного сознания, что вполне естественно, поскольку прошедшее время имеет ту удивительную особенность, что оно уже позади, а будущее, что оно еще только должно наступить, и потому в некотором

смысле можно сказать, что будущее время ближе стоит к настоящему, чем прошлое» [3, с. 240]. Данный фрагмент выстраивает важный концепт присутствия, а именно нахождения себя и выстраивания своей прозрачности перед обстановкой всего сущего, причём находящегося в возможности будущего, но ещё не в действительности временной позиции конкретной данности. Возможность же может перейти в действительность, только когда время отражает реальность, а реальность приобретает это качество за счёт субъективного смысла. В фундаментальном новом онтологическом вопросе о бытии М. Хайдеггер рассматривает схожие концепты через свою парадигму бытия присутствия *Dasein* («тут-бытие», «здесь-бытие») и его экзистенциалов, разворачивающихся в специфической форме времени, которое является важным отношением к бытию здесь и сейчас, не как конструкцией исчислений и мер, а как формы историчности сущности, сознающей саму себя [4].

В философию экзистенциализма Кьеркегор вносит важное отношение к любви: первая любовь, возможность разлюбить и вопрос о браке. Это всё становится важной частью его сочинений и обусловлено личной трагедией любви [5]. Огромным интересом для мыслителя стал процесс переживания любви, взгляд на то, что человек может не только влюбиться, но и разлюбить, но при этом найти в себе силы на то, чтобы вступить в брак, который в свою очередь является прыжком веры в любовь до самой смерти, что выражается в брачной клятве любви друг к другу [3]. Важной частью в рассмотрении любви является смысл, вкладываемый в процесс открытости экзистенции и обнаружения своего «Self», который не только имеет уникальный смысл для отдельной экзистенции и раскрывает интенцию «кто» к иному «кто», но и предполагает шаг решительности перед неизвестностью будущего. Ведь как можно вычитать из текстов Кьеркегора, сущность, сознающая себя, имеет уникальную динамичность или неизвестную хаотичность, которая не является чем-то статическим, а скорее изменяется от просветов смысла и метаморфоз бытия. Концепт любви Кьеркегор понимает, как возможность обнаружения себя и иного, как чего-то само-сущего, имеющего неповторимость и выделяющегося из массы подобно Богу, любящего каждого в своей бесконечности. Пример брака хорошо иллюстрирует перманентность ужаса перед неконтролируемым, ведь мы не только не можем контролировать и зафиксировать себя как что-то статическое, но фиксировать и структурировать иное, что создаёт весьма диссонирующий элемент, когда любовь и возмож-

ность, парадоксальна доступу, и скрыта, и открыта, и закрыта. М. Хайдеггер раскрывает значимый для экзистенциализма концепт открытости и феноменологической созвучности между экзистенциалами «Sorge» (заботы) и «SeinzumTode» (бытие к смерти), в котором и открывается достаточно объемное пространство для мыслителей экзистенциального направления в психологии и Dasein-анализа в рассмотрении жизненных ситуаций и проблематик, встречающихся у клиентов и пациентов, переживших тяжелые жизненные ситуации [4; 6]. Чувственный подход к рассмотрению, свойственных для каждого проявления и актов существования датского философа, сложно не рассмотреть, как сочетающиеся с проблематиками, часто встречающимися в человеческой жизни и описываемые драматургами, литераторами или деятелями искусств [2]. Кьеркегор поднял манифестацию против структурного рассмотрения субъекта, заявляя, что переживаемые человеком чувства и эмоции столь многогранны и сложно выразимы, что иррациональное и чувственное велико, а как выражается М. Хайдеггер, касательно онтологического вопроса, — бытие темно [4].

Для Кьеркегора важными элементами экзистенции является возможность ощущения страха и ужаса перед конечностью, осознание и обнаружение конечности способности как даровать возможность к активности и приоткрытие себя как сущности, сознающей самое себя, но и ощутить оцепенение перед сверхвозможностью бытия, или ничто [7]. Страх всегда имеет свою направленность или срез к болезни, страх выражается к чему-то, нежели то, как ужас распространён на всё окружающее и попадающее в простор осязаемого [8]. Формы страха и ужаса, ощущение ничто являются ключевыми особенностями как литературных работ философа Ж.-П. Сартра, описывающих разнообразие пограничных и переживаемых ситуаций и метаморфоз человека, так является ключевым звеном философского труда «Бытие и ничто» [9]. Новые значения и рассмотренные концепты философов затем будут актуальны в гуманистическом и экзистенциальном направлениях психологии, а также в литературном пространстве [2].

Русский философ Л. И. Шестов усматривает схожую проблематику в рассмотрении человека и способов, которыми наука и философия пользуются для раскрытия субъекта через объектив рационализма и языка строгой логичности. По мнению Л. И. Шестова, иррациональное знание имеет не меньшую, а скорее большую мощь приоткрываемой реальности, чем рациональное знание. Так Л. И. Шестов высматривает философию как занятие неизвестным, занятие

философией — это интенсивность, направленная на рассмотрение неизвестного, доступного в жизненных ситуациях и жизненных актах. Задача философии — это не усмотрение вечных истин и не успокоение, задача философии — это смущение. Философия доступна каждому и полезна любому, необходимо лишь найти решимость к открытию мира вокруг и найти себя среди объёма этого мира [10; 11]. Строгая логичность в рассмотрении человека является чем-то нецелостным и не предоставляющим для мыслителя полотно искусства, на котором крутится колесо времени необъятности бытия [8]. Мысль рождается из глубокого отчаяния, личность находит себя через сомнение, а неопи- суемый восторг, возможно понять через необычайно сильное страда- ние, это роднит русского философа с С. Кьеркегором и особенностями философии жизни Ф. Ницше [12; 13]. Для раскрытия себя именно душевное напряжение необходимо для противопоставления себя всему миру и всему тому, что, казалось бы, является природой объясняющей, но тем не менее, являющейся природой ограничивающей. В своей работе «Апофеоз беспочвенности» мыслитель пишет слогом Паскаля и Ницше, поднимает вопросы об истинности, утверждая, что истины парадоксальна, она находится в переменчивых человеческих вкусах, но человеку из-за необходимости совместного общественного сосуществовании пришлось выстроить договорённость, структурно логическую форму коммуникации и мировосприятия [10]. Как пишет Л. И. Шестов, задействуя ресурс теологического дискурса: «Каждое соглашение, не вызываемое необходимостью, будет преступлением против Духа Свя- того» [10, с. 100]. Порядок мыслитель понимал схожим образом, как и Ницше, подразумевая его как конструкцию, заложенную челове- ческим разумом и проявляющимся в создании законов и упорядо- чивании всего в рамки категорий и в выстраивании закономерностей, которые скрывают реальность экстатического, чувственного, сокры- того и препятствуют творческой интенции.

Проблемы инкультурации и социализации, создающие некую усред- нённость, рассматривал и представитель религиозного персонализма Н. А. Бердяев, относя их к признакам объективации, проявляющихся в деформации персональной индивидуальности [14;15]. Н. А. Бердяев разделял идеи Л. И. Шестова, рассматривая схожие тенденции в соб- ственном концептуальном спектре. Дух свободы и творчества всегда находится под давлением признаков объективации. Выражая принцип противодействия, свободный дух пытается сбросить оковы и восстать против эгоцентризма и слияния субъекта с общностями [14]. Дух

свободы, по мнению Н. А. Бердяева, эксплицирует смысл в любви и творчестве (в чём личность сопричастна Абсолюту-Богу). Свобода личности всегда трагична, если свобода является необходимостью в сущности человека, то свобода приобретает характер почти на грани обязанности. Свободный выбор подразумевает ответственность и открывает перед человеком чувство угнетенности, но при этом, свобода связана с творчеством, как образ и подобие Бога в человеке, поскольку в свободе человек являет образ Бога, в творчестве — подобие (о религиозно-философском аспекте свободы и творчества более детально см.: [16]). «Свобода порождает страдание, отказ же от свободы уменьшает страдание... И люди легко отказываются от свободы, чтобы облегчить себя», — фиксирует мыслитель [17, с. 39]. Коллективность (в смысле массы) и отказ от уникальности выражается в болезни духа, когда он обличается в некую сонливость, не сознавая своего «Я», не желая быть собою и желающий оставаться таковым, человек как будто находится во сне и не желает ощущать реальность. Следовать указаниям, как акт отказа от свободы, является более простым решением, требующим меньшего усилия, чем взять ответственность за свою жизнь и столкнуться с трудностями реальности, которые сопровождает действительность. Эти экзистенциальные идеи роднят указанных русских мыслителей в выстраивании определенного философского движения в столкновении с кризисом и тенденциями «нового мира», который открылся им сначала в постреволюционной России, а потом и Европе.

Проблемы, затронувшие как психологию, так и философию в XX веке, имеют достаточно пересекающиеся аспекты, схожую проблематику в рассмотрении собственного предмета, оснований и тенденций. Позиции эпистемологического и онтологического отношения к вопросу истины, научности и пр. становятся более явными в практико-ориентированной деятельности, прежде всего в области психиатрии и психотерапии, в том числе и благодаря активному пересечению с философской проблематикой. Культурно-исторические перемены, тенденции смены политических ориентиров на мировой арене и возникшая необходимость в разрешении онтологического вопроса в философии, а отчасти и науке, в конце XIX и начале XX века, влекут за собой масштабный эпистемологический кризис. Описываемый кризис в трудах О. Шпенглера («Закат Европы»), Х. Ортеги-и-Гассета («Восстание масс», «Размышление о технике») проясняют разрастающиеся индустриализация и феномен массовости, влекущие за собой формирование специфических тенденций культуры, с трудом коррели-

рующих ранее устоявшимися нормами [18; 19]. В работе «Недовольство культурой» З. Фрейд отмечает возникновение массового невроза, выражающегося в победе конструкта смерти, невроз мировой агрессии [20]. Вера в христианского Бога перестаёт быть правдивой, сверхчувственный мир в виде Бога умирает, а с ним и европейская нравственность, пронизанная христианским этосом. В работе «Веселая наука» (1886) Ф. Ницше, продуцирует новую метафизику нигилизма, фиксируя падение онтологии средневековья, а вместе с ней и ценностных оснований религиозной нравственности, обосновывая это «смертью Бога» («Gott ist tot»), как гарантий этой самой нравственности [12].

Общая созвучность между экзистенциальными философами как религиозной, так и атеистической направленности, и в дальнейшем с психологией, является их связь с возникающей в 1870-х гг. феноменологией Э. Гуссерля (напомним, что основные идеи развивали предшественники Гуссерля — Ф. Brentano и К. Штумпф, люди, близко стоявшие к психологии) [22]. Проекты феноменологии не только повлияли на возникновение нового онтологического фундамента в философии М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра, но и стали важной дискурсивной темой для вышеуказанных Л. И. Шестова и Н. А. Бердяева [4; 11; 15].

В психологической среде экзистенциальное направление возникло благодаря неудовлетворённости психологами и психотерапевтами тенденциями, зажимающими личность в жесткую каузальность физиологических детерминант, что сводило сложный внутренний мир личности к редукционизму, а также глубина философско-антропологических подходов с принципиально иной гносеологической онтологической перспективы. Такие психологи и психиатры, как Л. Бинсвангер, М. Босс, В. Франкл начали выстраивать принципиально новый подход к рассмотрению природы человека, базисных установок и целей, влияющих на рассмотрение мира человеком [22]. Экзистенциальные концепты ужаса, страха, смерти, смысла, свободы, любви и др. осознаются как предельно важные в выстраивании стратегий работы психолога [2]. Фундаментом для раскрытия сущности человека становится вопрошание к своему «Кто», или как в возникающей Dasein-терапии в Швейцарской школе экзистенциальной психологии, достижение открытости перед Dasein [6].

Раскрытие перед человеком возможности открыто действовать, творить, нести ответственность за свои поступки, осознавать себя и динамику мира вокруг стали важными задачами для экзистен-

циалистов и гуманистического направления в психологии [23]. Тенденцию перемен В. Франкл заметит в том, что даже практическая деятельность психоаналитиков и практиков в области психоанализа З. Фреда, аналитической психологии К. Г. Юнга и индивидуальной психологии А. Адлера некоторой своей схематичной концептуальностью несколько ограничивается личность и её уникальность [23]. Распространённость идей психоанализа создаёт определенные условия, в которых нуждающийся в психологической помощи, уже идя на сеанс к психоаналитику, представляет себя зависимым от конструкта либидо и позиции бессознательного, что вдобавок подкрепляет истинность этого собственного образа за счёт самой практики психоаналитика, что проявляется в успешности метода, по словам самих же психоаналитиков. В лице активных критиков Фрейдизма среди философов выступал Ж.-П. Сартр, заостря внимание на несостыковках в метапсихологической модели Фрейда [24]. Подобные манипуляции и тенденции являются критикуемыми в области экзистенциального подхода логотерапии и Dasein-анализа. Принципом экзистенциального метода является ухода от детерминирующего основания в рассмотрении человека и от эмпирического основания в онтологическом смысле. Принцип научности не игнорируется, но используется в практике как способ работы с тем, что находится в телесном и может влиять на восприятие и сознание человека, но как только работа переходит в зону сверхчувственного, экзальтационного и относящегося к смыслу, в практике используется новая метафизическая парадигма, раскрывающая человека как «кто» (Self) или как Dsein (присутствие), обладающего своей уникальностью и своей историчностью.

Философская составляющая тесно входит и в зону дискурса самих представителей психологической школы. Так в переписках между Л. Бинсвангера и М. Босса прослеживается недоговорённость в области рассмотрения феномена высвечивания. Что именно определяет значение того, что мы воспринимаем? Л. Бинсвангер пишет: «То, что мы воспринимаем — это “прежде всего” не впечатление от вкуса, тона, запаха или прикосновения, даже не от вещей или объектов, а от значений» [6, с. 114]. Существует как бы некая цепь проявлений, связанная между друг другом и проистекающая за счёт неврологической структуры и цепи, укоренившихся в форме автоматической рефлекторной реакции. Но тем не менее во временном потоке существует уровень направлений и выстраиваний, временной поток может быть разным и изменчивым в зависимости от всплывающих значений [6].

Интенциональность, по мнению Бисвангера, распознает первичную позицию в значении, а затем распознает объект. Именно значение является ключевым в возможности ориентации в реальности, объекты распознаются и преобразовываются в значении лишь после. Бинсвангер придерживается априорной онтологической структуры, Медард Босс же представляет проявление феноменов через понятие феномен от слова *phainesthai*, то есть являться, сиять, проявлять себя, выявляться. Феномены как бы высвечиваются из некоего подполья, откровение объекта проистекает нуменозно. Разворот швейцарских Dasein-аналитиков направлен на философский дискурс, который важен для фундаментального понимания, как же всё-таки с феноменологической точки зрения происходит преследование объектов и формирование смыслов, ведь ответ на этот вопрос крайне важен для создания успешной психологической практики. Для мыслителей становится явным, что для Dasein терапии недостаточно обладать знаниями современной психологии и владеть телесно ориентированными науками, но и необходимо обладать высокой компетенцией в области знаний феноменологии и философии, понимая и разграничивая концептуальные различия между психологическим и философскими парадигмами.

Заключение. Рассмотренный экзистенциальный проект психологии, тесно связан с философией, но в отличие от решения философских проблем, хоть они и поднимаются в работах известных экзистенциальных психологов, психология выстраивает гуманистический и просветительский проект, направленный на доступность и открытия как для психологов других школ и направлений, так и для людей, не владеющих высокими знаниями в философии и феноменологии. Для психологии важным является дать возможность взглянуть на мир в ином свете, заинтересовать человека в вопросе о себе, мире вокруг и о смысле себя в этом мире, даже когда это сложно и недоступно. В отличие от философии, психология направлена на доступность, но как только ориентир касается именно практической деятельности и работы с людьми, критерий знаний, требуемый в этом направлении, огромен за счёт нарратива экзистенциального проекта, вписанного в огромный поток развивающихся концептов во время кризиса в XX в. Не углублённость и неосторожность в интерпретации философских работ может принести больше вреда, чем пользы из-за объема направлений, связанных с этико-религиозными и ценностными вопросами. Проект экзистенциальной психологии появился как естественный

запрос науки и был связан с развитием близлежащих дисциплин, научные открытия и тенденции смены миропорядка и общественного сознания стали решающим фундаментом для сплочения философии и психологии. Глубина философских мыслителей актуальна и сегодня, а направление экзистенциальной психологии развивается по всему миру и постепенно становится известной среди населения.

Список цитируемых источников

1. *Кьеркегор, С.* Заключительное ненаучное послесловие к Философским крохам / С. Кьеркегор ; пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева — М. : Академ. проект, 2021. — 613 с.
2. *Beyer, Ch.* Edmund Husserl / Ch. Beyer // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. — URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/husserl/> (date of access: 10.03.2025).
3. *Кьеркегор, С.* Или-или. Фрагмент из жизни / С. Кьеркегор ; пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева. — М. : Академ. проект, 2021. — 776 с.
4. *Хайдеггер, М.* Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Библихина. — Харьков : Фолио, 2003. — 503, [9] с.
5. *Больнов, О.Ф.* Философия экзистенциализма / О. Ф. Больнов. — СПб. : Лань, 1999. — 224 с.
6. *Бинсвангер, Л.* Бытие-в-мире. Избранные статьи / Л. Бинсвангер ; пер. с англ. Е. Сурпиной. — М. : КСП+, 1999. — 300 с.
7. *Кьеркегор, С.* Понятие страха / С. Кьеркегор ; пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева. — М. : Академ. проект, 2022. — 217 с.
8. *Кьеркегор, С.* Болезнь к смерти / С. Кьеркегор ; пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева — М. : Академ. проект, 2022. — 157 с.
9. *Сартр, Ж.-П.* Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / Ж.- П. Сартр ; пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. — М. : Республика, 2009. — 639 с.
10. *Шестов, Л.* Апофеоз беспочвенности / Л. Шестов. — СПб. : Ленинградский ун-т, 1991. — 216 с.
11. *Преображенский, Г.* Лев Шестов и Эдмунд Гуссерль о задачах философии / Г. Преображенский // Вестник Пермского Университета. — 2013. — № 2. — С. 15—25.
12. *Ницше, Ф.* Сочинения : в 2 т. / Ф. Ницше. — Т. 1. Литературные памятники. — М. : Мысль, 1990. — 829 с.
13. *Шестов, Л.* Кьеркегард и экзистенциальная философия / Л. Шестов. — М. : Гнозис, 1992. — 314 с.
14. *Бердяев, Н. А.* О рабстве и свободе человека / Н. Бердяев; — СПб. : Азбука, 2023. — 384 с.
15. *Чернущь, В.* «Онтологизация сознания» в философии Н. А. Бердяева / В. Чернущь // Человек. — 2020. — № 2. — С. 86—102.
16. *Иценко, А. Г.* Философия творчества в религиозно-философских рефлексиях Н. А. Бердяева / А. Г. Иценко // Психология и педагогика творчества (посвящена

памяти доктора психологических наук, профессора О. М. Поповой) : материалы междунауч. науч.-практ. конф., г. Шадринск, 30 марта 2018 г. / сост. и ред. О. С. Назаревич, И. А. Тютюева. — Шадринск : ШГПУ, 2018. — С. 39—43.

17. *Бердяев, Н. А.* Самопознание / Н. А. Бердяев. — М. : Хранитель, 2007. — 301 с.

18. *Ортега-и-Гассет, Х.* Сборник трудов. Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет; пер. с исп. А. Гелескула; ред.-сост. А. М. Руткевич. — М. : Весь мир, 1997 — 704 с.

19. *Шпенглер, О.* Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. — Т. 1. Образ и действительность / О. Шпенглер. — Минск : Попурри, 2009. — 656 с.

20. *Фрейд, З.* Недовольство культурой / З. Фрейд. — М. : Книга, 2022. — 176 с.

21. *Хайдеггер, М.* Мысли, постулаты, афоризмы, философские интерпретации, тезисы / М. Хайдеггер; пер. с нем. С. А. Бронштейн. — Минск : Современное слово, 1988. — 384 с.

22. *Франкл, В.* Человек в поисках смысла / В. Франкл; пер. с англ. и нем. Я. В. Гозмана, Д. А. Леонтьева. — М. : Прогресс, 1990. — 368 с.

23. *Франкл, В.* Страдания от бессмысленности жизни / В. Франкл; пер. с нем. С. Панкова. — Екатеринбург : Ridero, 2019. — 112 с.

24. *Reynolds, J. Jean-Paul Sartre* / J. Reynolds. P. J. Renaudie // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. — URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2024/entries/sartre/> (date of access: 05.03.2025).

УДК 21:159.9

А. Г. Иценко, Е. А. Полховская

Барановичский государственный университет, Барановичи, Беларусь

Н. Я. Янкив

Детский сад № 11 г. Барановичи, Барановичи, Беларусь

ПСИХОАНАЛИЗ И РЕЛИГИЯ В ПСИХОЛОГО-РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ ЭРИХА ФРОММА

В данной статье авторы, опираясь на известную работу представителя неофрейдизма Эриха Фромма «Психоанализ и религия» (1950), анализируют основные идеи его работы в области психологии религии. Описывается авторская концепция типов религии; сопоставляется Эдипов комплекс, как объяснительная модель в понимании З. Фрейда и Э. Фромма; рассматривается чувство вины и любви, а также такие значимые элементы религиозной системы, как ритуал и символ.

Ключевые слова: Эрих Фромм; психоанализ; религиоведение; психология религии; неофрейдизм; фрейдомарксизм.

Библиогр.: 15 назв.